

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

DOI: 10.31168/2618-8597.2019.15.12

А. Ю. Русаков, М. С. Морозова (Санкт-Петербург)

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В УСЛОВИЯХ ТРИЛИНГВИЗМА: ЗАИМСТВОВАНИЕ «МАТЕРИЙ» (MATTER BORROWING) В БАЛКАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, билингвизм является частным случаем мультилингвизма. В литературе о языковых контактах нередко описываются ситуации, в которых язык испытывает воздействие нескольких других языков (см., напр., Aikhenvald 2009), но не обсуждается вопрос, отличаются ли лингвистические последствия таких контактов от следствий билатерального межъязыкового взаимодействия. Мы попытаемся рассмотреть несколько балканских ситуаций трилингвального контакта, в настоящее время (либо в недавнем прошлом) характерных только для островных диалектов балканских языков. В центре нашего внимания будет находиться заимствование элементов, выражающих грамматические значения (грамматических морфем, клитик, служебных слов). Это достаточно редкое явление (англ. *matter borrowing*, *matter replication*), довольно интенсивно изучавшееся в последние десятилетия (Gardani 2008; Matras 2009; Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 и мн. др.), как кажется, неслучайным образом коррелирует с трилингвизмом.

2. ЗАИМСТВОВАНИЕ «МАТЕРИИ» В БАЛКАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

2.1. Эвиденциальный показатель в цыганском диалекте Сливена, Болгария

Согласно (Kostov 1973 и др.), в цыганском диалекте Сливена имеется показатель эвиденциальности *li*, присоединяемый к глаголу в форме прошедшего времени (1).

- (1) *Oda vakergjas mangi ĉi tu phirsas-li.*
 он сказать.AOR.3SG я.DAT что ты идти.IPF.2SG-EVID
 ‘Он сказал мне, что ты ходил’¹.

В цыганском языке эвиденциальность изначально не грамматикализована, в то время как в болгарском эта категория выражается специальными глагольными формами. В. Фридман (2013) убедительно доказывает, что показатель *li* у цыган Сливена является результатом заимствования и семантической реинтерпретации болгарской вопросительной частицы *ли*. В цыганском диалекте арли в Крива-Паланке (Македония) *ли* употребляется для выражения дубитатива, а в диалекте барутчи арли в Скопье в том же значении используется вопросительная частица *mi*, заимствованная из турецкого. Сопоставление данных трех цыганских диалектов указывает на наличие определенной связи между вопросительностью и эвиденциальностью, а также на то, что заимствованию, вероятно, в немалой степени способствовал трилингвизм их носителей, которые, помимо цыганского и болгарского/македонского, владели также турецким языком.

2.2. Эвиденциальный показатель в цыганском диалекте Ксанти, Греция

Согласно (Adamou 2012), в цыганском диалекте Ксанти имеется заимствованный из турецкого показатель *muf*, который выражает эвиденциальные значения (2а) и значения эпистемической модальности (2б).

- (2а) *Phendas muf i fatma oti e*
 сказать.AOR.3SG EVID DEF.NOM Фатма что DEF.OBL
xurd-es voj lja sas pe-sa.
 ребенок-ACC она брат.ь.AOR.3SG с REFL-INSTR
 ‘Фатма сказала, вроде бы, что она взяла ребенка с собой’.

¹ См. также (Friedman 2004: 114).

- (26) *me dea ka marel muf.*
 мой.OBL мать.ACC FUT бить.3SG EVID
 ‘Он, возможно, побьет мою мать’. (Adamou 2012: 152)

Интересно, что в этом случае при заимствовании произошла своего рода деграмматикализация: связанная морфема в языке-доноре стала свободной морфемой в языке-реципиенте. Вероятно, подобное развитие произошло под влиянием еще одного контактирующего языка — греческого (показатель *muf* особенно частотен в речи молодых носителей, достаточно хорошо владеющих греческим), где в тех же контекстах могут использоваться выражения *втеμέκ* (тур. *demek* ‘сказать’), *τάχα* ‘будто бы’, *λέει* ‘скажем’ (3).

- (3) *Eίπε втеμέκ ή Φάτμα...*
 сказать.AOR.3SG EVID ART.DEF Фатма
 ‘Фатма будто бы сказала...’ (Adamou 2012: 153)

2.3. Адмиратив в фаршеротском говоре Горна-Белицы, Македония

Арумыны-фаршероты, проживающие в селах Горна- и Долна-Белица в районе Охрида и Струги, переселились в Македонию из Южной Албании в середине XIX в. (Marković’ 2013: 115–116). В ситуации арумынско-албанско-македонского полилингвизма в фаршеротском говоре Горна-Белицы развилась грамматическая категория эвиденциальности («адмиратив»). Эвиденциальный показатель *-ka*, присоединяемый к основе причастия, по происхождению представляет собой албанское окончание 3-го лица ед. ч. презенса адмиратива. Учитывая тот факт, что до недавнего времени фаршероты Горна-Белицы свободно говорили на албанском и на македонском языках, адмиратив в их говоре, скорее всего, представляет собой «комбинацию калькирования и заимствования из албанского языка при вероятном славянском влиянии» (Friedman 1994: 83).

- (4) Индикатив и адмиратив глагола ‘работать’ в албанском языке и в арумынском говоре Горна-Белицы (Friedman 1994: 85)

	индикатив арумынский	албанский	адмиратив арумынский	албанский
prs	<i>lukră</i>	<i>punon</i>	<i>lukratska</i>	<i>punuaka</i>
ipf	<i>lukre</i>	<i>punonte</i>	-	<i>punuakësh</i>
pf	<i>ari lukrată</i>	<i>ka punuar</i>	<i>avuska lukrată</i>	<i>paska punuar</i>
pqpf	<i>ave lukrată</i>	<i>kish punuar</i>	-	<i>paskësh punuar</i>

	индикатив арумынский	албанский	адмиратив арумынский	албанский
aor II	<i>avu lukratā</i>	<i>pat punuar</i>	-	-
pf II	<i>ari avut lukratā</i>	<i>ka pasë punuar</i>	<i>ari avuska lukratā</i>	<i>paska pasë punuar</i>
pppf II	<i>ave avut lukratā</i>	<i>kish pasë punuar</i>	<i>ave avuska lukratā</i>	<i>paskësh pasë punuar</i>
aor III	<i>avu avut lukrat</i>	<i>pat pasë punuar</i>	-	-

Из таблицы (4) видно, что в говор Горна-Белицы также были калькированы некоторые албанские сверхсложные формы прошедшего времени. По-видимому, с началом контактов с македонским языком, арумыны Горна-Белицы использовали свою билингвальную арумынско-албанскую компетенцию для передачи богатой македонской системы аналитических претеритов, включающей в себя три типа перфекта (*сум јадел, имам јадено, сум јаден* ‘я поел(а)’), где л-перфект выражает также эвиденциальные значения, и формы перфекта II и III *сум имал јадено* и *сум бил јаден*, выражающие значения косвенной эвиденциальности (Markovik’ 2013: 121; Макарцев 2014: 105–108; Makarova 2017).

2.4. Местоименные клитики в албанском говоре с. Мандрицы, Болгария

Албанское село Мандрица, расположенное в Восточных Родопах, впервые упоминается в османской переписи 1627 г. (Гюзелев 2004: 100). С самого начала Мандрице был свойственен албанско-болгарский билингвизм, следствием которого являются многочисленные контактнообусловленные изменения в системе албанского говора. Кроме того, мужчины из Мандрицы усваивали и турецкий язык, работая за пределами села или занимаясь торговлей с турками (Sokolova 1983: 7–9).

В результате контактов с болгарским языком в албанский говор Мандрицы были заимствованы дативные местоименные клитики 2sg *ti* (< болг. *ти*), 3sg *hi* (< болг. *и*, диал. родопск. *ху* ‘ей’), 3pl *him* (< болг. *им*, диал. родопск. *хим*). Клитики 2-го и 3-го лица ед. ч. могут использоваться как посессивные показатели, в основном (но не только) в сочетании с терминами родства (5а). В литературном албанском языке подобное употребление невозможно, и в говоре Мандрицы оно, несомненно, обусловлено болгарским влиянием. В косвенных падежах клитики встраиваются в словоформу между основой и падежным окончанием (5б), подобно посессивным маркерам в турецком (6).

(5a) *motra-hi*
сестра-3SG.POSS
'его/ее сестра' (Sokolova 1983: 105)

(5b) *tat-hi-n*
отец-3SG.POSS-ACC.SG.DEF
'его/ее отец' (Sokolova 1983: 107)

(6) *ev-i-nin*
дом-3SG.POSS-GEN
'его/ее дома' (Кононов 1996: 400)

2.5. Местоименные клитики в говоре албанцев Украины

Села Каракурт (в 1944–2016 гг. — Жовтневое), Георгиевка, Девнинское и Гаммовка были основаны выходцами с юга Албании, которые переселились в XV–XVI вв. на северо-восток Болгарии, а в начале XIX в. — из Болгарии в Бессарабию, принадлежавшую Российской империи (Морозова, Новик 2016). На протяжении нескольких столетий албанцы проживали в тесном соседстве с болгарами и гагаузами. Это соседство, а также смешанные браки способствовали албанско-болгарско-гагаузскому многоязычию, которое вплоть до настоящего времени сохраняется в с. Каракурт (Морозова 2016; см. также Котова 2017).

В говор албанцев Украины заимствованы болгарские клитики 2SG *ti* (< болг. *ti*) и 3SG *i* (< болг. *ù*). Они употребляются только в сочетании с заимствованными терминами родства и, возможно, были заимствованы вместе с лексемами. В формах косвенных падежей клитики не встраиваются в словоформу, а следуют за окончанием (7).

(7) *ta* *tamo-n-ti*
с мать-ACC.SG.DEF-2SG.POSS
'с твоей матерью' (Морозова 2016: 91)

Кроме этого, заимствованные клитики в говоре албанцев Украины используются как притяжательные показатели в генитивной именной группе (8), которая структурно идентична тюркской (гагаузской) посесивной конструкции (9).

(8) *a* *fuɾə-s* *am-u-i*
f.NOM.SG девушка-GEN.SG.DEF мать-NOM.SG.DEF-3SG.POSS
'мать девушки' (Морозова 2016: 91)

(9) *kiz-in* *ev-i*
девушка-GEN дом-3SG.POSS
'дом девушки' (Покровская 1996: 234)

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В упоминавшихся выше работах (Gardani 2008; Matras 2009; Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 и др.) перечисляются факторы, облегчающие заимствование элементов, несущих грамматическое значение — принадлежность к эмоционально-прагматической сфере, несвязанный характер самого элемента и пр. Как кажется, мы можем — с некоторой осторожностью — добавить в этот список и мультилингвальный характер языковых контактов. Разумеется, три- и мультилингвальный характер ситуации не является ни необходимым, ни достаточным условием для заимствования грамматической «материи». Более того, в наших случаях мы не можем доказательно утверждать, что такое заимствование является следствием трилингвизма, а не просто очень интенсивных контактов. Тем не менее, представляется, что такая связь может существовать. В частности, при столкновении с новым языком (L3) билингвальные носители актуализируют свои знания обоих языков, имеющих в их языковой компетенции (L1 и L2). В случае определенных сходств в категориальных системах L2 и L3 именно L2 может служить им источником языкового материала при установлении эквивалентности между фрагментами грамматических систем L1 и L3. Разумеется, эти предположения нуждаются в подкреплении большим эмпирическим материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Гюзелев 2004 — *Гюзелев Б.* Албанците в Източните Балкани. София: ИМИР, 2004.
- Котова 2017 — *Котова Н. В.* Язык албанцев Украины в середине XX века. Тексты и словарь. Комментарии / Седакова И. А. (отв. ред.), Жугра А. В., Морозова М. М. (науч. ред.). М.: ЯСК, 2017.
- Кононов 1996 — *Кононов А. Н.* Турецкий язык // Языки мира. Тюркские языки. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1996. С. 394–411.
- Макарцев 2014 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Маслов 2005 — *Маслов Ю. С.* Болгарский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 69–102.
- Морозова 2016 — *Морозова М. С.* Говор албанцев Украины: Грамматический очерк // «Призовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Но-

- вик А. А. (отв. ред.), Морозова М. С., Ермолин Д. С. (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. 1. Т. 2. С. 421–506.
- Морозова, Новик 2016 — *Морозова М. С., Новик А. А.* Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы // «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Новик А. А. (отв. ред.), Морозова М. С., Ермолин Д. С. (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. 1. Т. 1. С. 219–276.
- Покровская 1996 — *Покровская Л. А.* Гагаузский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1996. С. 224–235.
- Adamou 2012 — *Adamou E.* Verb morphologies in contact: evidences from the Balkan area // *Morphologies in Contact / Vanhove M., Stolz Th., Urdze A., Otsuka H.* (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 2012. P. 143–162.
- Aikhenvald 2009 — *Aikhenvald A. Y.* Semantics and Pragmatics of Grammatical Relations in the Vaupés Linguistic Area // *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology / Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W.* (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 237–266.
- Friedman 1994 — *Friedman V.* Surprise! Surprise! Arumanian Has Had an Admirative! // *Indiana Slavic Studies*. 1994. Vol. 7. P. 79–89.
- Friedman 2002 — *Friedman V.* The Typology of Balkan Evidentiality and Areal Linguistics // *Balkan Syntax and Semantics / Mišeska Tomić O.* (ed.). Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 101–134. (*Linguistik Aktuell/Linguistics Today* 67.)
- Friedman 2013 — *Friedman V.* The Use of *li* as a Marker of Evidential Strategy in Romani // *Съпоставително езикознание*. 2013. № 38(2–3). P. 253–261.
- Gardani 2008 — *Gardani F.* Borrowing of Inflectional Morphemes in Language Contact. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.
- Gardani, Arkadiev, Amiridze 2015 — *Gardani F., Arkadiev P., Amiridze N.* (eds.). Borrowed morphology. Berlin; Boston; Munich: Walter de Gruyter, 2015.
- Kostov 1973 — *Kostov K.* Zur Bedeutung des Zigeunerischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen // *Балканско езикознание*. 1973. Т. 16(2). С. 99–113.
- Makarova 2017 — *Makarova A.* On the Macedonian Perfect(s) in the Balkan Context // *Zeitschrift für Slawistik*. 2017. Vol. 62(3). S. 387–403.
- Markovik' 2013 — *Markovik' M.* The Aromanian Farsheroti Dialect — Balkan Perspective // *Colloquia Humanistica* 2013. Vol. 2. P. 115–132.
- Matras 2009 — *Matras Y.* Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sokolova 1983 — *Sokolova B.* Die albanische Mundart von Mandritsa. Berlin: Otto Hararssowitz, 1983.